

А. В. Маштафаров*

Воспоминания И. М. Картавцевой о паломнических поездках в Оптину пустынь (1917–1923 гг.)

Автор воспоминаний о посещениях Введенской Оптиной пустыни¹ и Шамординского монастыря² незадолго до закрытия этих обителей Ирина Михайловна Картавцева (1898–1983 гг.) принадлежала к старинному дворянскому роду Тульской губернии. В 1908–1918 гг. она училась в Белёвской женской гимназии, с 1917 г. работала учительницей в Белёвском женском приходском училище, в 1922 г. переехала в Москву.

Основная часть публикуемых мемуаров посвящена описанию встреч и бесед И. М. Картавцевой с оптинским старцем прп. Нектарием (Пономарёвым; † 1928 г.). Большая часть мемуаров написана автором собственноручно на страницах ученических тетрадей форматом 16,5×20 см, последние 4 страницы вырваны из общей тетради формата 21×29 см. Первые 14 страниц рукописи пронумерованы Картавцевой, остальные — публикатором. Мемуары создавались частями в разное время. Судя по пометам на полях, с. 1–13 написаны в 1928 г., с. 15–20 — в 1940–1950-х гг., с. 20–42 — с 27 февраля 1973 г., с. 43–46 — с 19 августа 1976 г. В приложении приводятся воспоминания И. М. Картавцевой о некоторых насельниках Оптиной пустыни в последние годы ее существования, сохранившиеся в виде черновых заметок на отдельных листах бумаги и не использованные автором в основном тексте.

Текст не был отредактирован и представляет собой черновой вариант с многочисленными стилистическими поправками (около 130); в примечаниях приводятся лишь наиболее информативные из них. Очевидные описки и орфографические ошибки исправлены без оговорок. Рукопись находится среди других документов семейного архива Картавцевых, хранящегося у составителя настоящей публикации.

* © Маштафаров А. В., 2010

Александр Викторович Маштафаров, специалист по истории Русской Православной Церкви.

* * *

(С. 1) Первый раз привелось мне быть в Оптиной пустыни в мае 1917 года. Я тогда была учительницей в Белёвском женском городском училище, и мне было 18 лет. Я уже задумывалась над некоторыми вопросами, но в общем была суший ребенок. Сейчас в моем воспоминании поездка эта вырисовывается на фоне зелени, цветов, роскошного благоухающего воздуха и какой-то особенной красоты. Мне даже и сейчас становится тепло на душе. Многие подробности ускользнули теперь из моей памяти, но все же мне хочется вспомнить это путешествие как можно подробнее. О поездке этой заранее долго толковали в училище. Я сразу решила, что поеду непременно, и с нетерпением (С. 2)^а ждала конца занятий. Между учительницами было решено, что не будут брать никого из родных и знакомых, но все же со мной поехала сестра моя Вера³, в то время гимназистка, т[ак] к[ак] мы с ней задумали из Оптиной пустыни пробраться в Шамордино. Ехала с нами также и Варвара Евдокимовна (экономка из имения), которая после погрома имения не находила себе покою и решила отвести душу у старца.

В двадцатых числах мая (по ст[арому] ст[илю]) была назначена поездка. Поезд отходил очень рано, часа в 4 или 5 утра, и мы заранее собрались на вокзал. Нам дали вагон IV класса, который, впрочем, был несколько не хуже III. (Билет, если не ошибаюсь, стоил 40 к[опеек].) Девочки-ученицы (С. 3) с веселым шумом заполнили вагон. Веруша с В[арварой] Е[вдокимовной] уселись на почтительном расстоянии, делая вид, что они едут совершенно отдельно. Но В[еру] все учительницы знали, и скоро и она присоединилась к нашей компании. Мы с В[ерой] смотрели в окно, ежась от утреннего холода, с любопытством вглядывались в окружающую природу и с нетерпением ожидали увидеть Оптину пустынь. После ст[анции] Киреевская⁴ замелькали сосенки и потом потянулись целые сосновые леса, составляющие украшение Калужской губернии. Быстро доехали мы до Козельска и быстро же зашагали по направлению к монастырю. Оптина пустынь (С. 4) виднелась перед нами, как она обычно изображается на photographиях. Это было у нас с В[ерой] первое путешествие без всяких удобств. Долгое время мы не могли справиться с своими узелками и, наконец, просунув через них палку, сделали себе этим большое облегчение.

Дорога от ст[анции] Козельск идет к Оптиной лугом. Наши девочки рассыпались по нему группами. Некоторые знали, как они говорили, кратчайшую дорогу, но учительницы сомневались в этом и шли по прежней. Смех, оживленье... Многие девочки побежали вперед. Наконец мы подошли к монастырю (переправлялись, вероятно, на пароме, не помню). Отнесши свои вещи в гостиницу, где нам отвели довольно обширное помещение, мы поспешили (С. 5)^б в церковь. Поспели как раз к обедне...

Несмотря на только что происшедший разгром нашего имения, о чем все время вздыхала наша экономка и в Оптиной, я с сестрой, хотя и испытывали

^а На поле помета: 12 апр. 1928 г.

^б На поле помета: Писано в 1928 г.

некоторую скорбь по поводу общего положения дел, но в общем чувствовали себя беззаботно, легко и предавались настоящему, не думая о будущем. О том, как и о чем говорят со старцами, я не имела понятия. Думала, что это разговоры не для меня, но для каких-то «других», у которых какие-то особенные дела, заботы или скорби. Будучи вполне верующей и близко стоящей к Церкви вообще, я не знала, как смотреть на старцев. По живости и отчасти по легкости своего ума, я считала, что старцы, настоящие старцы, были раньше, а теперешние, вероятно, совсем не то. (С. 6) Мне казалось, что на меня они не могут произвести должного впечатления, а испытывать их из любопытства не следует. Кроме того, я слыхала, что раз старец благословит, то надо сделать непременно, а я по склонности своей к критике боялась, что могу послушаться. Самое же главное, что мне и нечего было особенного спрашивать, т[ак] к[ак] тогда духовная жизнь моя только что пробуждалась.

Я с детства находилась, как говорится, в «церковной ограде», и здесь, в Оптиной пустыни, мне приятно было лишний раз увидеть красоту нашей православной Церкви в виде прекрасного уставного богослужения, необыкновенно стройного, за душу хватающего пения монахов и самого монастыря с его белыми сте (С. 7) нами, храмами, башнями, кладбищем, смиренными монахами — одним словом, весь вид этой необыкновенной, единственной обители умилял, восхищал меня и заставлял еще глубже и горячее любить наше православие. Погода была чудесная, и Оптина пустынь представлялась мне каким-то раем на земле.

Мы с школой пробыли здесь дня два или три и были у обоих старцев — о. Анатолия⁵ и о. Нектария⁶, а также у скитонаачальника о. Феодосия⁷. Отца Анатолия я видала раньше вне Оптиной, так что мне уже не ново было видеть этого ласково суетящегося батюшку, стремящегося каждого обласкать и непременно дать что-нибудь. Мы были у него на общем благословении, и я подошла к нему в общем порядке (С. 8) вместе со всеми девочками и учительницами и получила от него бумажную иконочку, не помню с чьим изображением, т[ак] к[ак] после у меня от него их было несколько и самую первую я не запомнила.

В тот же день или на другой, точно не помню, мы отправились в скит⁸. Я шла, куда меня вели, ничего мне не было нужно, я любовалась чудным лесом и восхищалась необыкновенными громадными соснами. Самый скит, т. е. «хибарка», совершенно не остался в моей памяти в тот раз. Я смутно представляла, к кому мы идем, т[ак] к[ак] тогда мало говорили об о. Нектарии и больше обращались к о. Анатолию. Сперва мы пошли к о. Феодосию, жившему по левую сторону скитских ворот, также в беленькой хибарке. (С. 9) Он принял нас очень ласково. Тоже, кажется, оделял нас иконочками, экзаменовал детей по Закону Божию и объяснял молитву «Свете тихий».

Наконец, к вечеру мы пошли к о. Нектарию. Мы прошли лабиринтом маленьких комнаток, ведущих в помещение старца, и в одной из ближайших расположились. Обстановка совершенно не запечатлелась у меня. Помню только, как одна наша пожилая учительница, бывавшая и раньше в Оптиной у старца отца Иосифа⁹, разговаривала в окно с знакомым монахом и он по-

дал ей в окно же большой букет чудных садовых цветов. Только что прошел дождь, и на цветах дрожали крупные капли росы, в окно лилось необыкновенное благоухание, и мне казалось все это (С. 10) каким-то волшебным сном. В то время Оптинский скит славился прекрасными цветниками, но тогда женщинам доступа в скит не было.

Наконец нас позвал келейник к батюшке. У меня осталось впечатление, что нас принимали в большом зале, где мне никогда не приходилось бывать впоследствии. Возможно, что, т[ак] к[ак] пришло сразу столько народу, батюшка и сделал исключение, приняв нас в зале. Мы вошли в довольно большую комнату^а, убранства которой у меня не осталось в памяти. Стояли как будто венские стулья, на стенах, вероятно, были портреты, а в углу иконы, как полагается. В левой стороне зала мы увидели о. Нектария, худенького маленького ста (С. 11) ричка в скуфеечке на голове. Наружность его меня ничем особенным не поразила, но, как я сейчас думаю, от всей обстановки, от его особенного тихого голоса, повеяло чем-то «не от мира сего», что и осталось для меня и сохранилось во всех последующих посещениях. Около о. Нектария стоял большой ящик с конфетами. Все по очереди подходили под благословение. Батюшка тихо благословлял, некоторым что-то говорил и каждому давал конфеты: 2 пастилки, аккуратно завернутые в бумажку^б.

Мы с сестрой послали письмо с кем-то из монашек в Шамординский монастырь, где была монахиней тетушка наша м. Тихона (Сомова)¹⁰. Она на другой же день прикатила в Оптину, наняв лошадей, чтобы увезти нас к себе. Мы немножко еще походили с тетушкой (С. 12) по монастырю и заходили с ней в скит к о. Нектарию. На этот раз тетушка представила нас как своих племянниц, на что он сказал: «Хорошие барышни». В Шамордине мы пробыли дней 5.

Шамордино заслуживает также, чтобы его вспомнить. С 17-го года по 1924-й я, каждый раз бывая в Оптиной, бывала и в Шамордине, хотя бы на один день. В детстве я страшно любила нашу деревню с ее землей, садами, особенным воздухом. Любила как свою родину. Потом я так же полюбила Оптину и Шамордино, не меньше родных краев. А красота природы калужской даже затмевала скромную красоту нашей тульской природы. В долгие безотрадные годы московской жизни я часто-часто вспоминала всю эту ушедшую красоту (С. 13) и благодарил Бога, что мне пришлось хоть на самом кончике повидать все это. Еще больше пленяла, конечно, красота духовная... Все дни, проведенные в Шамордине, были сплошным праздником для нас. Знакомые тетушки монахини прямо залюбили и заласкали нас. Мы переходили из рук в руки и возвращались с цветами и разными гостинцами. Только и слышалось: «деточки», «девочки», и мы совсем расчувствовались.

(С. 15)^в В 1920 году была убита моя сестра Вера — девочка 18 лет. Поехав на короткое время в Курскую губернию навестить тетку, она не могла

^а Далее текст написан другими чернилами. На поле помета: Запись 1928 года окончилась, продолжая, как могу вспомнить, 5 окт. 1959 г.

^б Далее текст написан чернилами другого цвета, на поле помета: 1973 г., февр.

^в С. 13 рукописи не дописана до конца, с. 14 без текста. На поле с. 15 помета: Написано в 40-х — 50-х гг.

ПУБЛИКАЦИИ

вернуться домой по случаю смутного времени и провела там полтора года. За это время там власть переходила 6 раз из рук в руки, и были очень распространены грабежи и убийства. В ночь с 21 под 22 янв[аря] 1920 г. сестра моя, тетка Зинаида Сергеевна¹¹, ее приемный сын 15-летний Николай и родственник Иоанн — все были убиты. (Брат мой¹² жил от них в нескольких верстах в селе и иногда приходил к ним ночевать. В этот день он как раз должен был прийти, но почему-то раздумал, не пошел и потому остался жив.)

Я очень тяжело переживала смерть сестры, на меня напало какое-то озлобление. (С. 16) Я не могла слышать рассказов о братьях и сестрах, я не могла видеть девочек-гимназисток, учившихся с сестрой. Меня мучила зависть, что Маня, Таня живы, а Верочки нет. И чем дальше шло время, тем более озлобление росло и холод, ужасный холод наполнял душу. По молодости лет я культивировала это чувство. Мне казалось, это хорошо, что нехорошо забывать и чем-нибудь развлекаться. И вот в таком состоянии, через год после смерти сестры, в августе 1921 г. я попала в Оптину пустынь, в которой была до этого несколько раз, но как-то мельком.

На этот раз повели меня к б[атюшке] о. Нектарию. Шла я очень неохотно. Я знала, что, (С. 17) конечно, надо будет рассказать ему о смерти сестры и никакой веры в то, что из этого выйдет какой-нибудь толк, у меня не было. А главное, холод, холод меня заполонил. Когда я пришла к б[атюшке], то по обычаю стала около него на колени и деревянным голосом начала рассказывать. Б[атюшка] слушал молча. Наконец, описав кратко свое теперешнее состояние, я кончила. Наступила тяжелая пауза. Во мне мгновенно пронеслось чувство досады и раскаяния в том, что я вздумала рассказать ему об этом. Наконец, вздохнувши, б[атюшка] сказал своим особенным тихим голосом: «Да, тяжело тебе, барышня», — и, помолчав немного, добавил: «Но тут уже ничего не может поделать человек. А ты почаще говори, взывай к Богу: “Заступи, спаси, помилуй (С. 18) и сохрани мя, Боже, Своею благодатию”». Говоря это, он перекрестил меня у ворота, перекрестил другой раз и третий. Не могу объяснить, что произошло со мной, но только сердце мое растаяло, и у меня полились слезы. «А они все мученики», — сказал б[атюшка] и все продолжал меня крестить без конца, без счета, и я чувствовала, как у меня в горле и верхней части груди поднимается какая-то физическая теплота, которая все растет и растет (и наполнила наконец всю грудь).

После б[атюшка] распрашив[ал] меня, где я остановилась, что у меня есть, и, так как время было голодное, он велел мне снять платок и насыпал в него сухарей, дал вареного картофеля, соли. На гостиницу я пришла уже совсем (С. 19) другая. Какая-то тихая радость наполняла меня (радость от сознания, что живу на свете), и ощущение теплоты не оставляло меня. Я несколько дней пробыла в Оптиной, и это ощущение не проходило. Б[атюшка] все время необыкновенно трогательно заботился обо мне. На прощание он опять много раз крестил меня...

Путешествие было не из легких. Для того чтобы проехать по железной дороге 40 верст, пришлось целую ночь сидеть в страшной духоте на станции, но я не обращала ни на что внимания — так мне было хорошо. Возвратив-

шись домой, я сейчас же начала ходить на работу — и было все то же. Я просыпалась с ощущением необъяснимого тепла в груди. Несколько дней продолжалось это состояние, пока водоворот жизни не захватил меня и (С. 20)^а теплота пропала. Должна сказать, что в то время я никакой святоотеческой литературы не читала и ни о каких духовных переживаниях не слыхала. Видно, велика была молитва старца и желание помочь скорбящей душе, что Господь так внезапно и так ощутительно дал почувствовать Свою благодать.

Прошла осень и зима^б. Я часто вспоминала о Нектария, и очень хотелось мне его видеть. Путешествие в Оптину было в то время очень сложно. Во-первых, должно было быть разрешение на проезд, во-вторых, отпуск с работы, еду какую-то надо было запасти. Тогда еще праздновали Рождество и Пасху по 2–3 дня и Троицу праздновали, т. е. не работали в учреждениях. Все это надо было сообразить и обдумать.

(С. 21) В апреле на Пасхальной неделе, в пятницу вечером, я со своей приятельницей по церкви Лизой собрались ехать. Это был апрель 1922 года. В ожидании поезда, когда мы сидели на вокзале, мы увидели еще знакомое семейство, которое ехало туда же. Это был землемер Д. А. Селивохин с двумя взрослыми дочерьми и с мужем одной из них. Мы все были между собой знакомы, и было очень приятно, что набралось порядочно народу. Какой был поезд, теперь не помню: товарный или пассажирский. Тогда поезда ходили не каждый день, составляли немыслимые расписания, которые постоянно менялись. Но в общем мы доехали и прибыли в Козельск. От станции до города было 3–5 верст. Было уже поздно, вероятно, 12-й час ночи, если не первый. Я шла с Лизой, а Селивохины (С. 22) своей группкой. Мы с Лизой по-детски мечтали, как мы уже завтра будем в скиту, увидим о. Нектария. Не верилось тому, что мы уже у цели.

Мне давно не приходилось быть на природе такой ранней весной. Ночь была дивная. Светила луна, и, когда мы подошли к парому, кликнули перевозчика-монаха и, наконец, отчалили, было так хорошо, что и передать не могу! Такая тишина стояла, все было обито лунным сиянием: и река, и паром, и приближающиеся стены монастыря, и башни. Такую картину я видела в первый и последний раз в жизни... Я всегда раньше приезжала днем.

Высидевшись с парома, мы поднялись на небольшую горку и отправились на гостиницу, которая около Святых ворот^в. Кроме нас (С. 23) никого не прибыло, и мы расположились все вместе в одном помещении. Это была большая комната с нарами или каким-то помостом вдоль большой стены. Помост был чистый, белый, вероятно липовый, и мы улеглись, положив под голову свои котомочки. Спутники мои как легли, сейчас же и заснули. Заснула и Лиза, я же не сомкнула глаз. Скоро нас разбудил благовест к утрени,

^а На поле помета: Этот отрывок передан мною писательнице Н. А. Павлович для приобщения к ее запискам.

^б На поле напротив помета: Продолжение в 1973 году, 27 февраля. Далее текст написан другими чернилами.

^в Далее в рукописи зачеркнуто: Так как нас было 6 человек.

и мы все тотчас же начали вставать. Мне так хотелось побывать в Оптиной на Пасху и вот это совершилось...

В церкви по случаю праздника народу было порядочно, и утренняя шла очень торжественно. Довольно быстрое, бодрящее пение монахов производило необыкновенное впечатление. Поистине «ангельское пение»! Все время раздавалось: «Христос воскрес!» (С. 24) «Воистину воскрес!» — ответствовала вся церковь. В середине утрени читали по монастырскому обычаю поучение. И тут произошло для меня нечто удивительное. Я в последнее время упорно думала о смерти, и какое-то сомнение закралось мне в душу: да есть ли «там» что? И как это наше тело, разрушившись, опять оживет? В поучении говорилось, что подобие воскресения человека после смерти можно взять из такого примера: зерно, брошенное в землю, обязательно сгниет, прежде чем прорастет к новой жизни. В случае со мной важно то, что я получила ответ на то, о чем думала... После окончания утрени был промежуток до обедни, и мы возвратились в гостиницу и немного подремали^а. (С. 25) Потом мы отстояли обедню, побывали на благословении у старца Анатолия и наконец отправились в скит.

Оптинский скит^б находится в полуверсте от^в монастыря^г, идти надо соновым бором, маленькой дорожкой, и розовые ворота скита как-то сразу и необыкновенно радостно возникают перед взором пришедшего. Было довольно прохладно, лес совершенно еще не одетый, но я не могла налюбоваться им, не могла надыхаться свежим оптинским воздухом. Мы, женщины, подошли к хибарке и вошли в нее, а мужчины обогнули ее и вышли в самый скит особым входом для мужчин, к старцу¹³. В хибарке я увидела обычную картину: все полно, сидят, стоят, некоторые что-то читают... Благоговейная тишина... Я нашла какое-то свободное местечко и села.

(С. 26) Обычно старцы с утра выходят на общее благословение, а потом принимают по отдельности. Такое благословение в течение дня бывает несколько раз. Я сидела и воображала, как выйдет о. Нектарий, как меня увидит, узнает и что скажет. Скрипнула издали дверь, и о. Нектарий в сопровождении келейника стал спускаться по порожкам, которые соединяют хибарку с помещением батюшки. Остановившись перед иконой Божией Матери «Достойно есть» (бывшей еще при старце о. Амвросии¹⁴), он помолился перед ней, произнеся: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию» и после этого стал продвигаться по комнатам, благословляя каждого. Очень многих он, благословив, спрашивал: «Пешком пришла (С. 27) или приехала?» (это имело большое значение, т[ак] к[ак] путешествие пешком считалось гораздо важнее). Скоро я увидела, как б[атюшка] подошел к сестрам Селивохиным, задал им этот вопрос и назначил к себе прийти. Я сидела много дальше их.

^а Далее в конце страницы вычеркнут фрагмент текста: А о. Нектарий, когда я наконец к нему попала, сказал мне совершенно самостоятельно, без вопроса с моей стороны: «Ты знаешь, смерти нет. Умереть — это все равно, что перейти из одной комнаты в другую».

^б Перед этой фразой зачеркнуто: Всем известно, что.

^в Над строкой, вместо зачеркнутого: В 15 мин. ходьбы от.

^г Над словом в скобках: в $\frac{1}{4}$ версты.

Наконец, о. Нектарий остановился около меня, молча благословил меня и пошел дальше. Грустно было и на какой-то момент неприятно. Когда б[атюшка] прошел все помеще[ние] и направился обратно к себе, я решила, что надо сбежать на гостиницу чего-нибудь поесть, а потом опять прийти сюда. В то время еще кормили всех. Давали кипяток, а в обед пустые щи, которые ели с своим хлебом. Быстро управившись с едой, я вернулась обратно в хибарку. Я уже знала, что иногда старцы не принимают очень долго — испытывают. Проситься, добиваться не (С. 28) нужно, а надо терпеливо ждать. И я просидела здесь целый день, исключая то время, когда была служба в монастыре. О. Нектарий несколько раз выходил на общее благословение, так же благословлял всех и, когда доходил до меня, молча, равнодушно благословлял меня, не сказав ни слова. Посетители приходили и уходили, вызывали келейника, просили принять, выдвигая какие-то уважительные обстоятельства. О чем я думала тогда, теперь трудно вспомнить. Вероятно, я наблюдала общую картину, которая была все одна и та же и при о. Макарии¹⁵, и о. Амвросии и так хорошо описана в их жизнеописаниях. Я «слагала» все это «в сердце своем». ^аНа Пасху обычную Иисусову молитву при входе и выходе заменяли «Христос воскрес». Келейники в течение дня повторяли ее без конца^а. Келейников тогда было два: старший о. Севастиан¹⁶, высокий тихий монах с совершенно иконописным лицом, и второй о. Петр¹⁷, тоже благообразный, но попроще. Не знаю, (С. 29) как он окончил свою жизнь, но об о. Севастиане я прочитала в журн[але] «Патриархия» за последние годы его некролог¹⁸ и узнала, что он был архимандритом и потом принял схиму. К очерку приложен был портрет, и я легко узнала знакомые кроткие черты, несмотря на то что пятьдесят лет прошло.

О. Севастиан уже знал меня немного по предыдущим моим кратким посещениям. Он осведомился, «который мне годок», где я остановилась, пойдешь ли в Шамордино и т. д. Называл меня «барышней» и, прощаясь и здороваясь, по монашескому обычаю целовал меня «в плечико». Среди завсегдаев хибарки были, конечно, тяжелые, неприятные особы. Какие-то странницы, блаженные, которые жили, видимо, поблизости и были постоянными посетителями обоих старцев: и о. Анатолия, и о. Нектария. (С. 30) Обращались с ними очень приветливо, но они-то доставляли старцам много неприятностей. Так, вспоминается мне некая Паша, не то блаженная или глупенькая. Придет, бывало, из леса вся обвешенная зелеными вениками, сядет, заняв чуть ли не полкомнаты, и без конца говорит, говорит, хотя ее никто не слушает.

Наступил вечер, а я все сидела. Уже, по-видимому, заканчивался прием посетителей, но народу было много. Вероятно, около 10 часов сказали, что б[атюшка] еще выйдет на общее благословение, и мы все подтянулись: кто сидел, тот встал, кто читал, тот оставил чтение. С молитвой вышел б[атюшка] и тихо пошел по рядам. Подойдя ко мне и благословив, он буквально «осиял» меня ласковой улыбкой и спросил: «Пешком пришла или приехала?» (С. 31) — и потом добавил: «Я ведь тебя помню, ты у меня была осенью».

^{а а} Текст написан на поле страницы, далее зачеркнуто: Это был последний день Пасхи, и полагалось при докладах к старцу келейникам вместо молитв говорить «Х[ристос] в[оскресе]».

ПУБЛИКАЦИИ

Благословив всех, он повел меня к себе. Какие были первые его слова и что я говорила, не помню. Он посадил меня с собой рядом на диване, и о чем-то мы, очевидно, говорили. Совершенно самостоятельно, без вопроса с моей стороны о. Н[ектарий] сказал мне: «Ты знаешь, смерти нет. Умереть — это все равно что перейти из одной комнаты в другую». Второй раз за этот день я получила ответ на мучивший меня вопрос о смерти. Он был очень добр и ласков со мной. К вопросу об убийстве моей сестры мы не возвращались. Я чувствовала себя легко и свободно. Но удивительно, что, очевидно, рассказ мой спустя 8 месяцев остался у него в памяти, т[ак] к[ак] он меня узнал. Он между прочим сказал мне: «У дев три (С. 32) пути жизни: первый — выйти замуж, второй — в монастырь поступить, а третий — жить с родителями». Узнав, что я живу с родителями и замуж не собираюсь, он сказал: «Умница». Потом он достал кипу полученных писем, подал их мне и благословил читать вслух. В разговоре перед этим я сказала б[атюшке], что я иногда раздражаюсь. Вскоре досталось мне читать письмо одного молодого человека, вернее юноши, в котором тот говорит о своей раздражительности. Б[атюшка] обернулся ко мне и сказал: «Этот молодой человек, как ты».

Раздалось «Христос воскрес», и вошел о. Севастиан: «Там Лиза Белёвская, батюшка», — сказал он. Батюшка ответил: «Пусть идет», — и затем, обратившись ко мне, сказал: «Ты разрешишь мне ее принять?» Я, конечно, отвечала утверди (С. 33) тельно. Вошла Лиза. Отец Нектарий взял толстую восковую свечу, зажег ее и отдал Лизе. Потом он велел ей стать на колени около меня и светить мне. После ее, вероятно, посадил. Чтение продолжалось. Батюшка слушал очень внимательно. Когда в конце писем просили его благословения, он тотчас же благословлял. Несколько раз было так, что писали о тяжелых грехах. Б[атюшка] в таких случаях отбирал у меня письма и говорил: «Это не надо». Читала я довольно долго, и наконец он нас отпустил. О чем еще говорили, не помню. Мы были в восторге и веселые возвратились в гостиницу. О. Нектарий был прозорливый и немного как бы юродствовал. К чему было это чтение? Почему Лиза светила мне?

В этот свой приезд я пробыла в Оптиной несколько дней и даже ходила в Шамордино (С. 34) к тетушке. К вечеру туда пришла, переночевала и днем возвратилась обратно³. Батюшка принимал меня каждый день. В один из приемов, это было среди дня, он усадил меня и стал показывать мне картинки. На первой картинке на листке ватмановской бумаги был изображен карандашом мальчик лет двенадцати в матросском костюмчике и такой же шапочке. Он сидел на лужайке на скамеечке, и перед ним стоял мольберт. Его окружали беленькие овечки или, вернее, барашки, а вдали виднелись домики. Показав на мальчика, о. Н[ектарий] спросил меня: «Кто это?» Я отвечаю: «Мальчик». «А ты девочка», — заметил б[атюшка]. «А что он делает?» — продолжал б[атюшка]. «Рисует», — отвечала я. «А там что?» — спросил опять (С. 35) ба-

³ На поле напротив помета: Расстояние 12 верст и обратно, итого 24.

тющка. «Овечки,— отвечала я,— а дальше домики». Б[атюшка], по-видимому, был доволен. После этого он достал другую картинку, также нарисованную карандашом: ветка малины с ягодами, а на ней 2 поющие птички. Таким же образом б[атюшка] произвел опрос по поводу и этой картинки. Я начала смеяться, но все же доложила, что это ветка малины, а на ней две птички сидят и поют. Б[атюшка] улыбался сам и сказал: «Ты не смейся, это ведь я все со смыслом спрашиваю». Наконец, он показал мне уже икону — изображение Божией Матери, Смоленской кажется, исполненную также карандашом и на бумаге. Он спросил меня: «Ты можешь объяснить мне, каким способом это сделано?» Я, конечно, сразу (С. 36) увидела, что это не напечатано, а нарисовано, и сказала ему. Тогда б[атюшка] сказал: «А ты можешь сделать копию с нее?» «Думаю, что смогу»,— отвечала я. Он достал чистый листок хорошей бумаги такого же формата, как эта икона, только немного удлиненный вниз, взял дощечку, кнопки, несколько карандашей, перочинный ножик и повел меня в хибарку. Очевидно, по случаю воскресенья народу никого не было, только несколько человек дожидались приема к старцу. Это были сестры милосердия из Смоленска или Калуги. Батюшка усадил меня за небольшой столик у окна и благословил начинать работу. После этого он ушел, а через несколько минут опять пришел, принес мне резинку и еще что-то. (С. 37) На свободе, в полной тишине занялась я рисованьем. Хоть никогда я икон не рисовала, но вообще с рисованием и живописью была знакома и потому довольно храбро приступила к делу.

Пришел о. Севастиан, стал сзади и долго смотрел, как я действую, и потом одобрил. Прошло порядочно времени, и пришла от старца одна из упомянутых мною сестер. «Батюшка прислал меня посмотреть, как у Вас идет дело»,— сказала она и начала с благоговейным видом, как все не умеющие рисовать, смотреть, как я рисую. Потом тоже одобрила и ушла. Между тем работа моя подошла к концу. Я стала делать последние штрихи, подчищать, где надо, резинкой и заметила, что внизу очень некрасиво, на мой взгляд, осталось много неиспользованной бумаги. Недолго думая, я загнула лишнее и отрезала ножом. (С. 38) После этого прошло очень много времени. Я видела в окошко, что уже совсем темно, и я не знала, как мне быть. Пришел опять о. Севастиан и сказал: «Б[атюшка], наверное, про Вас забыл»,— и в недоумении ушел. Значительно спустя пришел сам о. Нектарий. Рассмотрел, похвалил, назвал меня художницей и вдруг заметил отрезанный конец бумаги. «А это зачем? — сказал он с недовольным видом, — я ведь не просил тебя это делать. Я хотел тут сделать надпись». Я начала просить прощенье, но он продолжал быть недовольным. Стыдно мне было ужасно. Потом б[атюшка] смягчился и благословил меня идти. Все радостное настроение целого дня слетело с меня в одну минуту, и я, идя на гостиницу, готова была сквозь землю провалиться. Тем не менее на другой день я проснулась (С. 39) и молитвами бат[юшки] чувствовала себя как ни в чем не бывало. И батюшка принимал меня по-прежнему. Это было последнее лето жизни Оптиной как монастыря. Посетителей бывало много, и приемы у обоих старцев шли еще обычным порядком. Приезжало много духовенства, монашествующих, интеллигенции.

ПУБЛИКАЦИИ

Монастырь находился в ведении музея, заведовала которым Лидия Васильевна Защук¹⁹. Она долгое время делала невероятные усилия, чтобы защитить монахов. О. Нектарий числился по спискам сторожем в скиту, и вообще остальные скитные монахи назывались «живыми экспонатами». Лидия Вас[ильевна] много сделала лично о. Нектарию, и он, видимо, платил ей большим уважением. Я помню, когда она болела тифом и после пришла в первый раз к батюшке, я помню, как он ее слабую вел под руку по ступенькам, а потом, спустившись вниз в хибарку, велел двум молоденьким (С. 40) девушкам проводить ее до дому.

Запомнились мне в тот приезд монах о. Аифал²⁰, имевший какое-то отношение к музею, закупщик — барон Таубе Миша²¹ — с густым глубоким басом, пел «Блажен муж» в начале всенощной. Также познакомилась я с Варварой Иосифовной Тришатной, жившей много лет при Оптиной пустыни. Она была преданной дух[овной] дочерью старца Иосифа, умершего в 1911 г., и жила около монастыря и при нем, и после него. В 17-м году, когда произошла революция и начали понемногу заселять монастырские кельи разными лицами, Варвару Иосифовну за ее многолетнее пребывание в Оптиной начальство монастыря решило включить в состав братства и поручить ей заведование монастырской библиотекой. Жила она в одной из (С. 41) монастырских башен, там же была и библиотека. Я была у нее там.

В то время было еще несколько гостиниц в монастыре. Привилегированные гостиницы, где был Толстой²², а дальше, вероятно, жил К. Н. Леонтьев²³, затем гостиница внизу у ворот, где был заведующий старец Феодул²⁴, странноприимная, какое-то помещение на лесопилке. Я больше ютилась у о. Феодула. Он меня знал, немного подкармливал и к вечеру припасал какой-нибудь уголок, где можно было на чем-то лечь. Вообще же ложились все прямо на грязном полу, положив под голову свою сумку с вещами. Помню один раз он припас мне какую-то старую дверь, чтобы я воспользовалась ею. Я была очень рада. Устроила эту дверь в каком-то укромном местечке, положила в виде подушки свой узелок и только собиралась постелить (С. 42) на дверь свой плащ, как вдруг на нарах вдоль стены забила в эпилептическом припадке какая-то девушка. Я и все, конечно, засмотрелись на это зрелище, а девушка все двигалась к краю и, наконец, свалилась прямо на мою дверь и распласталась на ней во всю длину. Побившись еще немного в припадке, она затихла и, по-видимому, заснула. Мне же пришлось смириться и улечься на голом полу.

(С. 43) 19/VIII 1976 г. День Преображения Господня. Вечер. Сижу в одиночестве. Вспоминается Преображение 19 авг[уста] 1923 года^a, когда закрыли Оптину пустынь. Зимой 1922/23 года монахов уже выселили из монастыря. Они все жили где-нибудь на квартирах поблизости в деревнях, но большею частью в Козельске. Храмы оптинские все еще были открыты, служба в них совершалась, и монахи ежедневно приходили так же усердно, как и тогда, ко-

^a В рукописи далее зачеркнуто: Оптиной пустыни и в Белёве.

гда жили в самом монастыре. Отец Нектарий уже зимой был выслан, также как и епископ Михей²⁵, проживавший тогда в Оптиной на покое. Архимандрита Исаакия²⁶ еще не тронули, и он ютился где-то поблизости.

В конце мая этого же года я приезжала на несколько дней в Оптину пустынь и говела. Исповедовалась я у отца Досифея²⁷, который был монастырск[им] фельдшером и духовником старца Нектария. Замечательный был батюшка, Царство ему Небесное. Это была моя первая сознательная исповедь, и памятный этот день навсегда запечатлелся в моей душе. Было 21/V, воскресенье, Всех святых и праздник Владимирской Божией Матери и равн[о-апостольных] Конст[антина] и Елены. После обедни я по обыкновению отправилась к тетушке своей Ольге Константиновне, которую к тому времени выселили из ее кельи в Шамордине, и она временно жила в имен[ии] Малинки²⁸ в половине дороги между Оптин[ой] и Шамордин[ым]. Там жили ее знакомые (кажется, княг[иня] Кильдишева), с которой они были в хороших отношениях. Тетушка моя занималась вязаньем, (С. 44) вязала кофты, шарфы и этим существовала. Сутки я, вероятно, пробыла там, но как же хорошо было! Усадьба маленькая, все так миниатюрно. Саму хозяйку я и не запомнила. Как всюду в Калуж[ской] губ[ернии], там было очень живописно. И порядочный сад, и ручеек журчал. Вечером мы долго гуляли, и вдруг соловей запел, и луна взошла. Мы тихо разговаривали, вспоминали покойную нашу Верочку, а перед этим тетушка прочитала мне письмо, которое ей прислал Влад[имир] Петр[ович] из своей ссылки. Он вспоминал ее отца, а нашего дедушку Константина Мих[аиловича] Сомова²⁹, которого он очень любил. Сегодня как раз был день ангела дедушки — равн[оапостольного] царя Константина. Все это было очень трогательно. И несмотря на то что уже 50 л[ет] прошло с тех пор, все это живет во мне и вспоминается, как будто было только вчера.

Но надо возвратиться к делу. Лето подошло к концу, и мне опять захотелось в Оптину, как это всегда бывает. Захотелось опять также исповедаться, и я, приехав в Козельск по жел[езной] дороге, отправилась прямо к о. Досифею, т[ак] к[ак] я уже знала адрес его квартиры. Он принял меня очень радушно, сейчас же поставил передо мной тарелку какой-то каши или супу, благословил кушанье и сказал: «Чтобы все съесть». Он назначил мне на другой день прийти к нему на исповедь в церковь прямо ко всенощной. Это было 4 августа. Исповедников и народу было довольно много, потому что был Успенский пост. Исповедовали в разных местах разные (С. 45) духовники, но у о. Досифея никого не было, и я могла поговорить с ним как следует. Останавливалась я в какой-то захудалой странноприимной, которой раньше не знала. Там я встретилась с м[онахиней] Ал[ександрой] Дм[итриевной] Об[е]ручевой³⁰, врачом Шаморд[инской] больницы, а также с очень интересной сестрой милосердия Анной Павловной, умиравшей от рака.

На другой день, т. е. 5-го, я причащалась. Все было очень хорошо, и ничего не было еще известно. Не помню, что я делала в продолжение дня. Наверное, гуляла в лесу, ходила на могилки старцев, была в скиту, где уже не было старца. Заметила я, что уже некоторые кельи были заняты учреждениями. Так,

один из больших корпусов был занят детским садом. Моя приятельница Н. Селивохина этим летом познакомилась с одной из руководительниц из этого сада и ночевала у нее. Она советовала мне к ней обратиться. Руководительница эта оказалась очень милой особой (наверное, верующей), и я ночевала у нее одну из ночей.

Заблаговестили ко всенощной, к последней всенощной в Оптиной пустыни... К этому времени большие толпы народа собрались к храму. Особенно много пришло из окрестных деревень, и так красиво выделялись цветные сарафаны и белые рубашки на фоне зеленой травы и вековых сосен! Всенощная шла своим порядком — торжественно, стройно. «Преобразился еси на горе, Христе Боже» пели каким-то особенным оптинским напевом. Подходили прикладываться долго, и хотя все стояли тихо и благоговейно, но слышался какой-то особый шум. Двери не были открыты, народ входил и выходил, (С. 46) и этот легкий шум стоял и не проходил до самого окончания прикладывания. Хотела бы я теперь послушать этот шум толпы, который я только и слышала в Оптиной и в Белёвском монастыре³¹ в большие праздники.

В конце всенощной, а м[ожет] б[ыть] по окончании, стало известно, что сегодня храмы все закрываются постановлением правительства. Кажется, была прочитана бумага, никак не могу вспомнить. Тут же было объявлено, что можно не расходиться из храма, т[ак] к[ак] всю ночь будут исповедовать духовники, для того чтобы можно было причаститься за ранней обедней, которая начнется в 3 часа, чтобы к 6-ти все было уже кончено.

Я отправилась к себе на гостиницу, чтобы немножко отдохнуть. Залюбовалась я красотой природы. Тепло, тихо, небо темное усыпано звездами, а тут прямо под окнами храма на земле спят, подложив что-нибудь под голову, а может быть и ничего не положив, спят эти крестьянские женщины — Божьи дети. Пришедши к себе, я стала размышлять о том, что надо мне немедленно уезжать домой, что, возможно, и у нас будут закрывать наш Спасо-Преображенский монастырь, и мне надо быть со своими родными. Поезд из Козельска уходил рано утром, и надо было с ним уехать.

О насельниках Оптиной пустыни

Епископ Михей, фамилия мне неизвестна. Бывший моряк, капитан, кажется. Жил несколько лет на покое в Оптиной пустыни Калужской губернии. Во время обновленческой смуты в Церкви он сыграл большую роль, защищая православие. Калуга и все окрестности приняли обновленчество, Тула также. ³Епископской власти не было³. Старец оптинский Анатолий к тому времени этим же летом умер. Один старец Нектарий не мог ничего особенного сделать. Храмы в Козельске все были захвачены красными и запустели, народ приходил к о. Нектарию со всех сторон, требуя разъяснения. Приходили и от нас, из Белёва, у нас также все храмы уже пустовали. О. Нектарий твердо говорил: в церкви не ходить. Еп[ископ] Михей, постоянно встречаясь с о. Нектарием и советуясь, предпринял следующее. В Козельске было на-

^{3 3} Текст написан на поле.

значено трехдневное покаяние, затем все получили от епископа разрешение от грехов и во всех храмах причащались. Об еп[ископе] Михее я сведений имею очень мало. На короткое время он был выслан из Оптиной и жил в каком-то селе. Но после разгона Опт[иной] в 1923 [г.] доживал свой век он в Козельске. ^аК епископу Михею приезжали священники приносить покаяние^а. В 1925 году я, будучи в К[озельске], встретила с ним, вскоре он и умер. Между прочим, он сказал, что учился в Академии вместе с митрополитом Петром³², так что примерно можно установить возраст еп[ископа] Михея.

Старец Нектарий Оптинский на вопрос, почему иногда читают «Господи, помилуй» по 40 раз и больше, ответил: «Это за тех, которые не могут сказать “Господи помилуй” и один раз» (сообщила писат[ельница] Н. А. Павлович³³).

В апреле 1946 г. я читала книгу «Жизнеописание о. Амвросия» и раздумалась о том, как счастливы были люди, которые жили при старцах. Потом я подумала: впрочем, я тоже знала старца — о. Нектария, но, вероятно, это все же не то... В эту же ночь я видела сон. Кто-то сказал, что в Москве отец Нектарий и можно к нему попасть. Я довольно быстро пришла в какой-то незнакомый дом, маленький, деревянный — оптинского типа...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ставропигиальный Введенский монастырь Оптиная пустынь находится неподалеку от города Козельска в Калужской области, на правом берегу реки Жиздры. Пустынь была основана не позднее 1625 г., в 1724 г. упразднена, в 1726 г. по ходатайству местного землевладельца стольника А. Шепелева восстановлена, в 1764 г. стала заштатной. В 1821 г. по инициативе Калужского епископа Филарета (Амфитеатрова) при пустыни был основан скит в честь Собора св. Иоанна Предтечи, куда были приглашены рославльские пустынножители, в том числе старцы преподобные Моисей и Антоний (Путиловы). В 1829 г. старчество было введено в самой Оптиной пустыни. В 1918–1923 гг. на территории Оптиной пустыни действовала монастырская община, зарегистрированная как сельхозартель, в 1919–1928 гг. работал «Музей-монастырь Оптиная пустынь». В 1923 г. храмы монастыря были закрыты, на его территории устроена лесопилка, в Иоанновском скиту в 1930-х гг. располагался дом отдыха. В 1987 г. сохранившиеся монастырские постройки были возвращены Русской Православной Церкви, в 1988 г. в обители возобновилось богослужение.
- ² Ставропигиальная Амвросиева Казанская пустынь в Шамордине в Калужской области основана в 1884 г. по благословию прп. Амвросия (Гренкова) в 12 км от Оптиной пустыни, на реке Выссе. Первоначально обитель существовала как женская община, в 1901 г. обращена в монастырь, закрыта в начале 1920-х гг., возобновлена в 1990 г.
- ³ Вера Михайловна Картавцева (29 мая 1901 г. — 21/22 января 1920 г.), сестра мемуаристки, во время революционных беспорядков убита вместе с семьей ее тети З. С. Правиковой.

^{а а} Текст написан на поле.

ПУБЛИКАЦИИ

- ⁴ Станция Киреевская Смоленско-Богоявленской линии Рязанско-Уральской железной дороги находилась на 267-й версте от Смоленска, в Козельском уезде, в 21 версте от уездного города.
- ⁵ Прп. Анатолий (Потапов; 15 февраля 1855 г.— 12 августа 1922 г.), старец, ученик преподобных Амвросия и Иосифа Оптинских.
- ⁶ Прп. Нектарий (Тихонов; 1853 г.— 12 мая 1928 г.), старец, ученик преподобных Анатолия (Зерцалова) и Амвросия Оптинских.
- ⁷ Схиигумен Феодосий (Поморцев; 1854 г.— 22 марта 1920 г.), старец, духовный сын прп. Варсонофия Оптинского и его духовник.
- ⁸ Оптинский скит в честь Собора св. Иоанна Предтечи был основан в 1821 г. на месте пасеки, где в глубине монастырского леса в начале XIX в. жил схимонах Иоанникий. Скит был закрыт и возобновлен вместе с монастырем.
- ⁹ Прп. Иосиф (Литовкин; 2 ноября 1837 г.— 9 мая 1911 г.), старец, скитоначальник и духовник, ученик прп. Амвросия Оптинского.
- ¹⁰ Тихона (Сомова), монахиня. В миру Ольга Константиновна, дочь К. М. Сомова, «дедуси», брата бабушки мемуаристки — В. М. Картавцевой (урожденной Сомовой; см.: *Маутафаров А. В.* Воспоминания И. М. Картавцевой об архиепископе священномученике Петре (Звереве) // Вестник церковной истории. 2008. № 3(11). С. 158).
- ¹¹ Зинаида Сергеевна Правикова (урожденная Минаева) (1860-е гг.— 21/22 января 1920 г.), тетья И. М. Картавцевой, убиита в деревне Сухая Рыльского уезда Курской губернии.
- ¹² Илья Михайлович Картавцев (14 июля 1895 г.— 31 декабря 1971 г.), библиограф, генеалог, краевед, член Тульской ученой архивной комиссии, Историко-родословного общества в Москве, Русского библиографического общества при Московском университете. В 1920-х гг. работал в центральной Книжной палате. Первый редактор издания «Летопись журнальных статей». Участвовал в работе Общества изучения русской усадьбы. В 1928 г. арестован, длительное время находился в лагерях и ссылке, реабилитирован в 1956 г. Из его работ наиболее известна: *Картавцев И. М.* Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя. М., 1927.
- ¹³ Женщинам вход на территорию скита с момента его основания не разрешался (кроме исключительных случаев), старцы принимали их в «хибарке», имевшей вход за оградой скита.
- ¹⁴ Прп. Амвросий (Гренков; 23 ноября 1812 г.— 10 октября 1891 г.), старец, ученик преподобных Льва и Макария Оптинских.
- ¹⁵ Прп. Макарий (Иванов; 20 ноября 1788 г.— 7 сентября 1860 г.), старец.
- ¹⁶ Преподобноисповедник Севастиан (Фомин; 28 ноября 1844 г.— 19 апреля 1966 г.), ученик преподобных Иосифа и Нектария Оптинских.
- ¹⁷ Павел (Драчев; 1888–1981 гг.) схиигумен, насельник Оптиной пустыни. После закрытия монастыря в 1923 г. переехал в московский Данилов монастырь, в 1929 г. был арестован. Отбывая ссылку под Пинегой (Архангельская область), ухаживал за тяжело больным оптинским старцем Никоном (Беляевым). После ссылки поселился в Туле, был рукоположен во иерея, служил в храме Двенадцати апостолов. В конце жизни служил в селе Черкасы Тульской области.
- ¹⁸ Севастиан схиархимандрит: [Некролог] // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 6.
- ¹⁹ Преподобномученица Августа (Лидия Васильевна Защук; † 1938 г.), первая заведующая «Музеем-монастырем Оптина пустынь», созданным 18 мая 1919 г. Экспозиция музея была развернута в Казначейском корпусе, в то время как многие храмы

в обители оставались действующими. В 1922–1923 гг. в Музее-монастыре сформировались отделы: «Монашеский быт и история Оптиной пустыни», «Церковно-археологический», «Кустарное производство», «Помещичий быт начала XIX века», «Естественноисторический», «Местного края», «Павильон стенной живописи», «Бытовые монастырские павильоны» (хибарка старца, келья скитоначальника, скитская трапезная и библиотека). В 1923 г. местные власти запретили монахам жить в музее, храмы были закрыты, Музей-монастырь перепрофилирован в краеведческий. Л. В. Защук покинула Оптину вместе с последними монахами. В 1920-х гг. подверглась аресту. В 1930 г. поселилась в Белёве, где тогда жил архимандрит Исаакий (Бобриков). Здесь Л. В. Защук приняла схиму с именем Августа, с 1934 г. была игуменией подпольного женского монастыря в Белёве. В 1937 г. преподобномученица была арестована и расстреляна под Тулой. Музей в 1928 г. был передан калужским властям и упразднен.

- ²⁰ Аифал (Панаев; † 25 декабря 1936 г.), иеромонах, заведовал оптинской иконной лавкой. В конце 1920-х гг. о. Аифал был арестован и сослан в Сибирь. Погиб, возвращаясь из ссылки.
- ²¹ Агапит (Михаил Михайлович Таубе; 4 ноября 1894 г.— около 1941 г.), иеромонах. В 1922 г. поступил на работу в «Музей-монастырь Оптина пустынь», в 1923 г. был арестован, освобожден, вскоре принял постриг. В 1927 г. о. Агапит был вновь арестован вместе с прп. Никоном (Беляевым), в 1930 г. приговорен к ссылке в Северный край.
- ²² Лев Николаевич Толстой (1828–1910 гг.), писатель.
- ²³ Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891 гг.), дипломат, публицист, деятель позднего славянофильства.
- ²⁴ Феодул (Слепухин; конец 1850-х гг.— после 1937 г.), монах Оптиной пустыни, в 1937 г. жил в Козельске.
- ²⁵ Михей (Алексеев; 1851–1931 гг.), в 1912–1913 гг. являлся епископом Уфимским и Мензелинским. 22 декабря 1913 г. был уволен на покой, 2 января 1914 г. прибыл в Оптину пустынь, где вместе с последними оптинскими старцами являлся одним из духовных руководителей обители. В 1923 г. епископ Михей вместе с архимандритом сщмч. Исаакием (Бобриковым) и другими оптинскими насельниками был арестован, через несколько недель освобожден. Служил в козельском Успенском соборе, позже в одной из приходских церквей.
- ²⁶ Сщмч. Исаакий II (Бобриков; 1865 г.— 8 января 1938 г.), последний настоятель Оптиной пустыни (1914–1923 гг.). В 1919 г. арестован, вскоре освобожден. После окончательного закрытия монастыря в 1923 г. сщмч. Исаакий поселился в Козельске, подвергся арестам в 1929 и 1932 гг. После ареста в Белёве в 1937 г. был приговорен к расстрелу, расстрелян под Тулой.
- ²⁷ Досифей (Чучурюкин; 18 февраля 1871 г.— 29 ноября 1937 г.), иеромонах, ученик прп. Анатолия (Зерцалова), позднее схиархимандрита Агапита (Беловидова), с 1923 г. братский духовник оптинских монахов (после переселения их в Козельск), духовник прп. Нектария и духовный отец монаха Агапита (Таубе). В 1929 г. был арестован, в 1930 г. приговорен к 5 годам исправительно-трудовых работ. Наказание отбывал в Сибири до 1937 г. После возвращения из ссылки жил в Орле. 23 ноября 1937 г. вновь арестован, приговорен к расстрелу. Расстрелян в Орле.
- ²⁸ Малинки, сельцо в Козельском уезде, в 17 верстах от уездного города (Список населенных мест Калужской губернии. Калуга, 1914. С. 45).
- ²⁹ Константин Михайлович Сомов (29 февраля 1848 г.— 17 сентября 1911 г.), брат бабушки мемуаристки В. М. Картавцевой.

ПУБЛИКАЦИИ

- ³⁰ Амвросия (Александра Дмитриевна Оберучева; 1870–1943 гг.), врач шамординской монастырской больницы, автор «Истории одной старушки». В 1919 г. приняла тайный постриг в мантию в Оптиной пустыни. В 1928 г. арестована, с 1930 г. в лагере, в 1933 г. освобождена. Скончалась в Загорске (Сергиев Посад).
- ³¹ Белёвский Спасо-Преображенский мужской монастырь, 3 класса, общежительный. Основан в 1525 г. Здесь хранился древний образ св. Иоанна Крестителя. Монастырю принадлежала Николаевская церковь в Завырской стороне; в ней находилась чтимая икона свт. Николая Чудотворца, явившаяся на этом месте. Закрыт в 1921 г., возобновлен в 2008 г.
- ³² Очевидно, митрополит сщмч. Петр (Полянский; 1868–1937 гг.), Патриарший Местоблюститель с 1925 г. Он и епископ Михей могли встретиться в Московской Духовной академии в 1892 г.
- ³³ Надежда Александровна Павлович (1895–1980 гг.), поэтесса, переводчица. С 1923 г. духовная дочь прп. Нектария, с 1926 г., после ссылки старца в с. Холмищи Брянской губернии, посещала его до его кончины. Считая себя «монахиней в миру», рассценивала свою деятельность как иноческое служение. По ее ходатайствам и во многом ее стараниями в Оптиной пустыни был создан краеведческий музей, в котором сохранились многие церковно-исторические материалы.

